

УДК 343.98

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).132-141

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ АДВЕНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е.И. Фойгель*Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

13 ноября 2018 г.

Дата принятия в печать

21 января 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 февраля 2019 г.

Ключевые слова

Адвенальные преступления; адвенальное лицо; расследование преступлений, совершенных иностранными гражданами; проверка показаний на месте; тактические приемы; психологическое наблюдение

Аннотация. В статье рассматриваются тактические приемы производства проверки показаний на месте в ходе расследования адвенальных преступлений. Адвенальные преступления — это преступные посягательства, связанные с деятельностью адвенальных лиц по совершению либо восприятию преступного деяния. При этом под адвенальным лицом понимается человек, обладающий совокупностью социально-психологических свойств, осуществляющий свою деятельность на основе генетически определенных факторов, в силу своей этнической принадлежности отличающийся от представителей российского макроэтноса этническим языком, народно-бытовой культурой, обрядовой деятельностью и этническим самосознанием. Адвенальные лица (адвеналии) могут быть как иностранными гражданами, так и натурализованными россиянами, которые имеют существенные этнические особенности, обуславливающие их мышление и поведение. С учетом этих особенностей выработаны специальные тактические приемы следственных действий, осуществляемых с их участием. Проверка показаний на месте — самое распространенное после допроса следственное действие при расследовании адвенальных преступлений против личности, собственности, общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, экологических преступлений. Проверка показаний на месте относится к категории экспериментальных следственных действий в силу следующих обстоятельств: в ходе проверки показаний на месте производится создание (использование) условий осуществления уголовно-релевантного события, произошедшего ранее при совершении преступления; существует сомнение в истинности выдвинутой следователем гипотезы либо в истинности показаний обвиняемого (подозреваемого), свидетеля, потерпевшего, которые проверяются опытным путем; проверка показаний производится непосредственно субъектом расследования без применения специальных знаний. Тактические приемы данного следственного действия в зависимости от решаемых задач можно разделить на две группы: тактические приемы, направленные на максимизацию наблюдения за деятельностью адвенального лица (передача инициативы лицу, чьи показания проверяются, демонстрация действий, предоставление возможности изложить свободный рассказ, постановка вопросов); тактические приемы, направленные на максимизацию наблюдения за самим адвенальным лицом (наблюдение за его поведением и используемыми им невербальными средствами, опережение показаний над визуальным восприятием места проверки или его отдельных деталей, «закладка маяков»).

TACTICAL SPECIFICS OF VERIFYING TESTIMONIES AT THE CRIME SCENE IN THE INVESTIGATION OF ADVENAL CRIMES

Elena I. Foygel*Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation***Article info**

Received

2018 November 13

Accepted

2019 January 21

Available online

2019 February 26

Keywords

Advenal crimes; advenal person; investigation of crimes committed

Abstract. The paper examines tactics of verifying testimonies at the crime scene during the investigation of advenal crimes. Advenal crimes are criminal infringements connected with the acts of advenal persons who commit or perceive a criminal act. An advenal person is understood as a person who is characterized by social and psychological features and acting on the basis of genetically predetermined factors and who, due to their ethnicity, differs from the representatives of Russian macro-ethnos by their ethnic language, folk culture, rituals and ethnic consciousness. Advenal persons (advenals) could be both foreign citizens or naturalized Russians, who possess considerable ethnic features that determine their mentality and behavior. Special tactics, which takes into account these features, has been worked out for investigating actions with their participation. Verification of testimonies at the crime scene is second (after inter-

by foreign citizens; verification of testimonies at the crime scene; tactics; psychological observation

rogation) most common action in the investigation of advenal crimes against a person, property, public safety, public health and public morals, environmental crimes. Verification of testimonies at the crime scene belongs to the category of experimental investigative actions due to the following circumstances: during verification at the scene the circumstances of the criminally relevant event, which took place earlier when the crime was committed, are recreated (used); there are doubts regarding the validity of the hypothesis developed by the investigator or the validity of the testimony provided by the accused (the suspect), the witness, the victim, which are tested in the experiment; the testimony is verified by the immediate subject of the investigation without using any special knowledge. The tactics of this investigative act could be broken into two groups depending on the tasks addressed: tactics aimed at maximizing observation at the activities of the advenal person (giving the initiative to the person whose testimony is verified, demonstration of actions, offering an opportunity to present a story freely, asking questions); tactics aimed at maximizing observation of the advenal person themselves (observation of their behavior and non-verbal acts, advancing testimony over the visual perception of the verified scene or its specific features, «setting beacons»).

Проверка показаний на месте — традиционное следственное действие, целью которого в соответствии со ст. 194 УПК РФ является установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, путем проверки и уточнения показаний, ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также свидетелем и потерпевшим [1, с. 108]. Целесообразность и эффективность данного следственного действия признавались учеными и практиками еще задолго до его официального законодательного закрепления в УПК РФ 2001 г. В некоторых работах оно называлось выходом на место, следственным экспериментом с целью установления места совершения определенных действий обвиняемым, воспроизведением обстановки и обстоятельств преступления и др. [2, с. 105–107]. При этом, как справедливо отмечает профессор Н.Н. Егоров, проверка показаний на месте — единственное следственное действие, тактические приемы которого были разработаны задолго до его законодательного закрепления [3, с. 73].

Проверка показаний на месте представляет собой экспериментальное следственное действие, поскольку основным критерием отнесения следственного действия к категории поисковых, коммуникативных или экспериментальных выступает ведущий вид деятельности субъекта осуществления, а также метод, применяемый при его производстве. Профессор Р.Л. Ахмедшин, определяя сущность экспериментальных следственных действий, подчеркивает, что эксперимент в данном случае не используется как синоним всеобщего метода познания, а понимается как деятельность, направленная на моделирование ситуации, в которой фактор общения и поиска выступает как второстепенный. Другими словами, экспериментальные следственные

действия — это действия, в которых непосредственное экспериментальное моделирование определяет основное содержание следственного действия [4, с. 179]. О.К. Чернецкий констатирует, что «эксперимент как в следственной практике, так и в других областях уголовного судопроизводства является исследовательской ситуацией изучения явления в специально создаваемых, контролируемых условиях, которые позволяют активно управлять ходом данного процесса, то есть вмешиваться в него и видоизменять его согласно исследовательским задачам, а также воссоздавать явление, которое изучается, при воспроизведении данных условий» [5, с. 120].

Как видим, сущность экспериментальных следственных действий сводится к созданию (использованию) условий, в которых ранее осуществлялось уголовно-релевантное событие (явление, факт), для проверки истинности предположений (показаний) участников уголовного судопроизводства. Таким образом, признаками экспериментальных следственных действий выступают:

1. Создание (использование) условий осуществления уголовно-релевантного события, произошедшего ранее при совершении преступления. Это может быть реконструкция в виде полного искусственного воссоздания всех условий обстановки (при следственном эксперименте), использование реально существующей обстановки без внесения в нее изменений с целью приближения к условиям, в которых произошло реальное уголовно-релевантное событие (при проверке показаний на месте), создание аналогичных условий возможности восприятия путем предоставления объектов для их узнавания (при предъявлении для опознания).

2. При производстве экспериментальных следственных действий необходимо наличие сомнения в истинности выдвинутой следователем гипотезы либо в истинности показаний обвиняемого (подозреваемого), свидетеля, потерпевшего. Сущность экспериментальных следственных действий состоит в проверке опытным путем возможности существования какого-либо факта, наступления определенного события, способности осуществления определенного действия. При этом у следователя должно иметься альтернативное предположение относительно результатов экспериментального следственного действия — подтверждается или не подтверждается. Данный признак отличает экспериментальные следственные действия от поисковых и вербальных, перед началом которых следователь находится в состоянии информационной неопределенности в отношении тех сведений, которые он получит в результате их осуществления.

3. Возможность проверки сомнения в созданных условиях путем использования экспериментального метода непосредственно субъектом расследования без применения специальных знаний. Основным различием экспериментальных и исследовательских следственных действий, к которым относится назначение и производство судебных экспертиз, является использование в процессе их осуществления специальных знаний. Несмотря на использование в процессе экспериментальных следственных действий научных методов эксперимента и моделирования, их применение возможно со стороны субъекта правовых знаний (следователя, дознавателя). Безусловно, что и при производстве экспериментальных следственных действий привлекаются специалисты, но их функция сводится к созданию условий, в которых осуществляется следственное действие, т.е. носит вспомогательный характер (например, для оценки сходности звукоизоляционных условий в аналогичном помещении при проверке возможности слышать речь). Непосредственный субъект осуществления экспериментального следственного действия и его организатор — следователь (дознаватель).

Итак, экспериментальными следственными действиями являются следственный эксперимент, проверка показаний на месте и предъявление для опознания.

При выборе тактических приемов производства отдельных следственных действий важное значение имеет личность участников, включающая в себя совокупность социально-психологических

характеристик, обуславливающих деятельность лица как в процессе осуществления и восприятия преступного события, так и в процессе осуществления предварительного расследования.

Адвенальные преступления — криминалистическая категория, сформированная не на основе уголовно-правового критерия, а исходя из личностных особенностей адвенальных лиц, чья деятельность связана с совершением преступлений. При этом под адвеналием (адвенальным лицом) предлагается понимать человека, обладающего совокупностью социально-психологических свойств, осуществляющего свою деятельность на основе генетически определенных факторов, в силу своей этнической принадлежности отличающегося от представителей российского макроэтноса этническим языком, народно-бытовой культурой, обрядовой деятельностью и этническим самосознанием, что влияет на течение его отражательных процессов при осуществлении или восприятии преступной деятельности [6, с. 137–138]. По сравнению с существующими категориями «иностранец», «иностраный гражданин», «мигрант» и т.д. термин «адвенальное лицо» имеет четко выраженную криминалистическую сущность, поскольку акцентирует внимание на этнических отличиях соматического, психического, социального и культурного характера, лежащих в основе установления информации о механизме преступления и разработки тактических приемов производства следственных действий [7, с. 108–170].

Особенности этнического мышления и поведения являлись объектом научного анализа еще в конце XIX столетия, однако в то время ученые исследовали зависимость определенных качеств не от этноса и национальности, а от расы [8] и территории проживания [9].

К категории адвенальных преступлений относятся преступления, совершенные адвенальными лицами; преступления, совершенные в отношении адвенальных лиц; а также преступления, в структуре доказательственной базы которых основную часть составляют показания свидетелей — адвенальных лиц.

Президент РФ указом от 31 октября 2018 г. № 622 утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, в соответствии с которой констатируется, что в 2012–2017 гг. миграционный поток в Российскую Федерацию компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для

национальной экономики. Стоит отметить, что миграционная политика должна быть направлена на создание режима, благоприятствующего добровольному переселению в Россию лиц, которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества. Таким образом, можно предположить, что реализация данной Концепции приведет к увеличению количества адвентальных лиц на территории России. В этой связи разработка тактико-криминологического обеспечения расследования преступлений, связанных с деятельностью адвентальных лиц, становится практической необходимостью.

Вместе с тем криминологи отмечают в целом негативное влияние миграционных процессов на состояние преступности: «На состояние организованной преступности в регионе оказывают влияние представители дальнего и ближнего зарубежья, приезжающие сюда под предлогом осуществления торговой деятельности, при этом зачастую не имея каких-либо документов и находящиеся в розыске... Миграционные потоки оказывают заметное влияние на социально-демографическую и криминогенную обстановку в регионе» [10, с. 24; 11]. Не вдаваясь в дискуссию о степени влияния возрастающего количества адвентальных лиц на состояние преступности, можно констатировать, что данная значительная часть российского населения нередко оказывается вовлечена в сферу уголовного судопроизводства в виде как индивидуальной, так и групповой преступной деятельности. Исследователи указывают, что «около четверти членов организованных преступных формирований не являются русскими» [12, с. 87; 13]. Поскольку адвентальные преступления — это категория не уголовно-правовая, а криминологическая, выделить один вид или группу преступлений достаточно затруднительно. Адвентальные лица совершают преступные деяния как в сфере экономики, так и против личности, коррупционные преступления, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. В некоторых случаях можно проследить региональную «специализацию» адвентальных преступлений, обусловленную геополитическими и сырьевыми факторами. К примеру, это экспорт незаконно вырубленных лесных ресурсов в КНР и иные азиатские страны, осуществляемый адвенталиями во взаимодействии с транснациональными преступными формированиями [14, с. 90].

Расследование адвентальных преступлений осложнено многочисленными отличиями ад-

вентального лица от представителя российского макроэтноса во внешнем облике, мышлении, поведении, восприятии и интерпретации уголовно-релевантной информации, ее воспроизведении и т.д., обусловленными принадлежностью к иному этносу, формированием личности в условиях иной культуры, использованием иного языка. Однако криминологическое изучение и анализ данных особенностей позволят разработать и применять специальные тактические приемы, способные существенно повысить информативность и эффективность процесса расследования. Как справедливо указывает председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, «в Российской Федерации должна существовать стратегия борьбы с этнической преступностью, которую целесообразно строить с учетом психологических и поведенческих особенностей представителей различных этнических общностей» [15, с. 12]. При этом следует учитывать, что этнические стереотипы — определенные свойства личности, якобы присущие представителям иных этносов, — не всегда соответствуют действительности и чаще всего представляют собой некий абстрактный усредненный тип, являющийся воплощением субъективного отношения к представителям чуждой национальности. В этой связи справедливой представляется рекомендация об изменении формулы изучения культуры иного этноса с привычной «они такие, потому что» на более правильную «они такие» [16, с. 155].

Результаты проведенного в 2015–2018 гг. интервьюирования следователей, осуществляющих практическую деятельность по расследованию адвентальных преступлений, показали, что при расследовании уголовных дел об адвентальных преступлениях проверка показаний на месте применялась в 78 % случаев, а при расследовании уголовных дел о преступлениях против личности, против собственности, против общественной безопасности, против здоровья населения и общественной нравственности, экологических преступлениях — в 94 % случаев.

В процессе проверки показаний на месте реализуется коммуникативная, поисково-познавательная, ретроспективная и удостоверительная деятельность субъекта расследования. Благодаря высокой эффективности проверка показаний на месте относительно легка в организации, не требует больших материальных и временных затрат. В отличие от следственного эксперимента, при проверке показаний на месте не нужна реконструкция обстановки — полное воссоздание

условий, в которых осуществлялась преступная деятельность, с учетом временных, климатических, пространственных и иных условий. В отличие от допроса, проверка показаний на месте позволяет оживить ассоциативные пространственно-временные связи, что в значительной мере способствует извлечению из памяти хранящихся там сведений. В отличие от осмотра и обыска, проверка показаний на месте не имеет четко выраженного поискового характера и позволяет следователю передать инициативу лицу, чьи показания проверяются, сконцентрировавшись на фиксации полученной информации. Механизм проверки показаний, и без того отличающийся высокой степенью «энергоёмкости» в силу своих тактических, психологических и технических характеристик [17, с. 87], осложнен участием нетипичного участника уголовного судопроизводства — адвентального лица.

Адвентальные лица, соглашаясь принять участие в проверке показаний на месте, становятся источником важной криминологической информации как вербальной, так и знаковой характера. Существенное затруднение в виде языкового барьера при осуществлении коммуникативных следственных действий нивелируется при производстве проверки показаний на месте, поскольку вербальная информация может быть заменена на демонстрацию действий, не требующих перевода. Несмотря на необходимость участия переводчика в проверке показаний на месте, его роль минимизируется и сводится к переводу разовых уточняющих реплик следователя, не имеющих решающего значения. Видеофиксация данного следственного действия также способствует его высокой информационной эффективности.

Однако факт невладения (недостаточного владения) адвентальными лицами русским языком не является единственной сложностью при производстве проверки показаний на месте с их участием. Этнические особенности представителей различных национальностей обуславливают разницу в поведении и восприятии информации при производстве данного следственного действия. Следователь, осуществляя рефлексивное мышление, ожидает наступления определенных реакций со стороны лица, чьи показания проверяются. Отсутствие либо видоизменение указанных реакций может быть воспринято ошибочно, что может отразиться на выдвижении и проверке криминологических версий, а также планировании дальнейшего расследования. Решение таких

вопросов осуществляется криминологической наукой посредством разработки и применения тактических приемов следственных действий.

Тактические приемы рассматриваемого следственного действия в зависимости от решаемых задач можно разделить на две группы: тактические приемы, направленные на максимизацию наблюдения за деятельностью адвентального лица; тактические приемы, направленные на максимизацию наблюдения за самим адвентальным лицом.

Тактические приемы, направленные на максимизацию наблюдения за деятельностью адвентального лица в процессе производства очной ставки, предназначены для получения полной и правдивой информации от адвентального лица в процессе дачи им показаний, сопровождающемся демонстрацией своих действий. Указанные тактические приемы способствуют получению максимально подробной информации о преступном событии, участником которого оказалось лицо, чьи показания проверяются. Как правило, данная группа тактических приемов используется в бесконфликтной ситуации, когда адвентальное лицо желает передать правдивую уголовно-релевантную информацию и выражает согласие на участие в проверке показаний на месте.

Традиционно к тактическим приемам, направленным на максимизацию наблюдения за деятельностью адвентального лица, относятся предоставление инициативы лицу, чьи показания проверяются, демонстрация действий, предоставление возможности изложить свободный рассказ, постановка вопросов.

Предоставление инициативы лицу, чьи показания проверяются, заключается в том, что следователь не должен влиять на скорость, характер и последовательность действий данного лица. Задача следователя в этой ситуации — оказать помощь подозреваемому в припоминании отдельных событий путем уточняющих вопросов. Следователь, будучи должностным лицом, наделенным властными полномочиями и ограниченный сроками и средствами следствия, может проявлять нетерпение и пытаться направлять допрашиваемого в «нужное» русло. Ситуация может усугубиться тем, что следователь и лицо, чьи показания проверяются, имеют разный темперамент, адвенталий недостаточно хорошо владеет русским языком (использует неправильные выражения, путает падежи, времена, склонения), применяет непривычные невербальные средства. Все эти факторы нервируют следователя и могут спровоцировать нарушение рассматриваемого такти-

ческого приема. Между тем проявление нервозности, насмешки, давление и убыстрение темпа следственного действия негативно сказываются на желании адвентального лица участвовать в нем.

Следователю, принявшему решение о производстве данного следственного действия с участием адвентальных лиц, необходимо проявлять терпение, продолжать поддерживать психологический контакт, который был установлен в ходе предстоящих допросов, помогать лицу, чьи показания проверяются, в его желании донести криминалистически важную информацию до сведения правоохранительных органов.

Если в процессе проверки показаний на месте возникает необходимость помочь адвенталию в припоминании отдельных событий, то может быть использован такой тактический прием, как смена перспективы. Принято считать, что последовательность демонстрируемых действий при проверке показаний на месте должна совпадать с механизмом непосредственного преступного деяния. Однако для некоторых людей проще описать и показать действия начиная с конца, с наступившего результата по восходящей к началу всей деятельности.

Некоторым адвентальным лицам с образным мышлением проще продемонстрировать свои действия не от начала до конца, а отдельными важными блоками, узлами, которые не всегда находятся во временной зависимости друг с другом. Следователю не стоит настаивать на строгой последовательности демонстрируемых действий, предоставив возможность адвентальному лицу избрать наиболее привычный и удобный способ рассказа.

Законодательно закрепленный тактический прием «осуществление проверки показаний на месте с каждым обвиняемым, подозреваемым, свидетелем, потерпевшим отдельно» в случае с адвентальными лицами приобретает особое значение. Для адвентальных лиц большим авторитетом обладают более старшие по возрасту лица, длительное время проживающие в Российской Федерации и имеющие более высокий материальный и общественный статус. Показания такого лица, безусловно, оказывали бы сильное влияние на показания, дающиеся в процессе проверки показаний на месте, даже если бы адвенталий был полностью уверен в обратном. Кроме того, большинство адвенталиев, принадлежащих восточной культуре, чаще всего не высказывают мнений, противоположных мнению большинства представителей диаспор, поэтому

в случае групповой проверки показаний на месте количество информации было бы минимизировано и носило бы обобщающий характер.

Постановка вопросов как отдельный тактический прием выделяется и в нормах УПК РФ, и во многих научных работах. Представляется, что постановка вопросов совершенно необходима даже в случае подробного и исчерпывающего свободного рассказа. В некоторых случаях целесообразно задать вопросы уточняющего характера не в целях непосредственного получения (уточнения) криминалистически значимой информации, а в целях избегания двусмысленности и расширительного толкования при ее фиксации. В случае с адвентальными лицами (независимо от участия переводчика в проверке показаний на месте) применение данного тактического приема совершенно необходимо, поскольку в дальнейшем высока вероятность свободной интерпретации и искажения результатов действий и слов адвенталия. Нередки случаи, когда адвентальное лицо впоследствии заявляет, что имело в виду совершенно не ту информацию, которую понял следователь, поскольку его действия (жесты, позы, мимика) в родной стране интерпретируются совершенно по-другому.

Тактические приемы, направленные на максимизацию наблюдения за адвентальным лицом, предназначены для сопоставления поведения адвентального лица с теми сведениями, которые оно сообщает, и теми действиями, которые оно демонстрирует. Как правило, основная задача этих приемов — своевременная диагностика и преодоление ложных показаний при проверке показаний на месте. Применение данной группы тактических приемов актуально в конфликтной ситуации, когда адвентальное лицо, выразив согласие на участие в данном следственном действии, имеет намерение скрыть (исказить) уголовно-релевантную информацию.

К тактическим приемам, направленным на максимизацию наблюдения за адвентальным лицом, следует отнести наблюдение за поведением и невербальными средствами адвентального лица, опережение показаний над визуальным восприятием места проверки или его отдельных деталей, «закладка маяков».

Наблюдение за поведением и невербальными средствами адвентального лица представляет собой наиболее распространенный, эффективный, но трудный в применении тактический прием. Перед следователем ставится достаточно трудоемкая задача — восприятие информа-

ции, которую несут действия и слова адвеналия, и одновременная фиксация его вербальных и невербальных средств с целью диагностики лжи.

Безынструментальная диагностика лжи — это навыки и умения специалиста, овладеть которыми следователю, не будучи субъектом специальных знаний, очень трудно. Одним из направлений профайлинга является безынструментальная диагностика ложных показаний, и специалисты-профайлеры сегодня достаточно успешно применяют эту методику. Известны даже исследования и экспертизы видеозаписей нейролингвистического характера, когда анализу подлежат вербальные и преимущественно невербальные средства допрашиваемого, записанные на видео, для решения вопроса о наличии в показаниях факта скрываемой причастности к совершению преступления. Это достаточно эффективный способ получения ориентирующей информации, но в современных условиях уголовного судопроизводства у следователя не всегда бывает возможность для его применения.

Между тем даже в процессе осуществления проверки показаний на месте следователь может воспользоваться некоторыми рекомендациями, которые позволят ему сформировать внутреннее убеждение в намеренном искажении уголовно-релевантной информации. При наблюдении за адвенальными лицами данные рекомендации имеют особое значение, поскольку базируются не на словах, которые могут быть высказаны на адвенальном языке, а на невербальных средствах, не нуждающихся в переводе.

Тактические основы наблюдения за поведением человека заложены в профайлинговом методе, с момента его появления и до настоящего времени используемом в основном при расследовании преступлений против личности (убийства, изнасилования и т.д.) [18, р. 103]. Однако в последнее время появились методики осуществления визуального экспресс-наблюдения, базирующиеся на достижениях американских ученых [19; 20], которые успешно применяются при расследовании преступлений как против личности, так и против собственности.

В основе наблюдения за адвенальным лицом в процессе проверки показаний на месте лежит принцип сопоставления базовой линии поведения, которую демонстрирует адвеналий в процессе беседы на отвлеченную тему при установлении психологического контакта на предварительных допросах (правдивые, истинные сведения), и ярких отклонений от базовой

линии поведения при сообщении уголовно-релевантной информации. При этом специальному учету подлежат следующие факторы:

1. Наличие в речи адвеналия большого количества пауз хезитаций. Так, следователь, ведя беседу с адвеналием, фиксирует для себя темп и тон его ответов. Если в ходе беседы речь адвенального лица ровная, ответы на вопросы следуют сразу, без пауз, то наличие пауз хезитаций при ответе на вопросы, касающиеся преступных событий, может свидетельствовать о потребности в дополнительном времени, предназначенном для придумывания ложного ответа. Пауза хезитации (пауза раздумывания, пауза нерешительности) — вид речевого сбоя, при котором говорящий приостанавливает (замедляет) свою речь в поисках подходящего слова или синтаксической конструкции. Средняя продолжительность такой паузы — от четверти до целой секунды [21].

2. Значительная разница в интенсивности и видах используемых жестов. Фиксируя базовую линию поведения адвеналия, следователь должен отметить, какова интенсивность использования им жестов при описании какого-либо испытываемого чувства или воспринимаемого события. Как правило, при описании реального события количество иллюстративных жестов (т.е. движений рук, сопровождающих речевой контент, помогающих собеседнику представить размеры, характер, длительность, пространство и иные свойства характеризуемого объекта) составляет определенную, постоянную величину. При изложении вымышленного события количество иллюстративных жестов снижается.

В отличие от иллюстративных жестов, возрастание количества жестов-адапторов свидетельствует об излишней нервнойности, что может быть признаком стремления скрыть (исказить) передаваемую информацию. К жестам-адапторам относятся жесты-манипуляторы — верчение в руках близко лежащих предметов (ключи, телефон, ручка и др.), наматывание на пальцы частей одежды, аксессуаров и т.д., а также жесты-самоадапторы — прикосновения, потирания, поглаживания частей своего тела (пальцы, руки, колени, уши и т.д.). Основная функция жестов-адапторов — адаптация организма к стрессовой ситуации, разновидностью которой является ложь на следственном действии. Естественно, что потребность в адаптации в данном случае возрастает, и это влечет увеличение количества жестов-адапторов.

3. Диссонанс и асимметрия реакции. Замечено, что при даче ложных показаний существу-

ет большая разница (несовпадение, диссонанс) между смыслом проговариваемых слов и эмоциональным сопровождением фразы. Например, при отрицательном ответе человек утвердительно кивает головой сверху вниз, либо на лице говорящего присутствуют эмоции отвращения и страха при рассказе о том, что кто-либо не вызывает у него отрицательных чувств и вообще ему незнаком. Для выявления данного признака специалисты используют такой прием: записывают показания на видео, а потом просматривают его с выключенным звуком. Таким образом ложный смысл высказываемого не сбивает исследователя, позволяя ему сконцентрироваться только на фиксации и анализе эмоций и реакций. В случае с адвенальными лицами использование данного приема значительно облегчено тем, что следователь, воспринимая речь на адвенальном языке, не понимает полного смысла передаваемых сведений и может беспрепятственно сосредоточиться на выявлении несоответствия между передаваемой вербальной информацией и эмоциональным ее сопровождением, транслируемым невербальными средствами.

Еще одним косвенным признаком скрываемой (искажаемой) информации выступает асимметрия мимики и пантомимики при ложных показаниях. Это проявляется в различных положениях разных половин лица и тела. Когда невербалика свидетельствует об истинности переживаемой эмоции, это отражается на мимике и пантомимике всего лица (тела). Если же эмоция «написана» только на одной половине лица (тела) — полуулыбка одной стороной лица, поднятие только одного плеча для обозначения «не знаю» и т.д. [22, с. 33], то такой факт говорит об искусственности транслируемой эмоции и, как следствие, о неполной истинности высказываемой информации. Аналогичная картина наблюдается, когда обе половины лица «искривлены» эмоцией, но одна сильнее, чем другая. Причиной такого явления служит тот факт, что полушария головного мозга управляют только намеренными мимическими движениями, а непроизвольные же управляются более примитивными отделами мозга. Таким образом, различия между правым (отвечающим за эмоции) и левым (отвечающим за когнитивные процессы) полушариями должны затрагивать только намеренные мимические движения.

4. Несоответствие синестезии демонстрируемым действиям. Упрощенно говоря, синестезия — это визуализация внутреннего опыта

человека, т.е. проекция реального опыта во внешнем пространстве. Все, что испытывает человек, что он видит, что чувствует, располагается, безусловно, внутри самого человека. Но говоря об этом, описывая те или иные объекты, человек обязательно «размещает» эти объекты в реальном пространстве. Например, говоря о близких и дорогих людях, он делает руками знаки и смотрит в переднюю правую область, говоря о пожарах, опасностях, оружии, он «перемещается» в противоположную область, влево, подальше от близких людей. Проведя предварительную «калибровку» путем слежения за описанием различных предметов, можно определить, где у человека «располагаются» ценности, опасности, страхи и т.д. Когда при проверке показаний на месте адвенальное лицо говорит, показывая эти явления в противоположной стороне от выявленных синестезий, данный факт в совокупности с другими может свидетельствовать о ложности передаваемых сведений.

Безусловно, описанные признаки не носят исчерпывающего характера и не влекут категоричности суждения, однако они наиболее удобны для фиксации поведения адвенальных лиц (поскольку меньше всего зависят от адвенального языка и национальных особенностей поведения) и доступны для фиксации в процессе производства проверки показаний на месте.

Следующим тактическим приемом, направленным на максимизацию наблюдения за адвенальным лицом, является опережение показаний над визуальным восприятием места проверки или его отдельных деталей. Он заключается в том, что следователь предлагает участнику проверки показаний на месте до прибытия на место производства следственного действия (отдельные его части) описать обстановку, интерьер, пространственные характеристики и иные свойства данного места с тем, чтобы сравнить полученное описание с реальным зданием, сооружением, помещением, участком местности, о котором идет речь.

Однако, применяя данный прием, следовательно необходимо учитывать разницу в восприятии, а также в оценочных суждениях представителей различных этносов. Так, понятия «большой — маленький», «просторный — узкий», «высокий — низкий» имеют неодинаковые характеристики для представителей различных национальностей. Для большинства китайцев двухкомнатная квартира примерной площадью в 50 м² является вполне просторным помещением для размещения четырех-пяти человек, а для представителей россий-

ского макроэтноса такое помещение представляется тесным для данного количества человек.

Ну и наконец, Н.Н. Егоровым описан достаточно эффективный тактический прием, который получил название «закладка маяков» [3, с. 77]. Закладывается он в том, что в некоторых опорных, «узловых» местах могут быть заложены записки с описанием действия, демонстрируемого в данной местности, сведений, полученных от лица, чьи показания проверяются, касающихся именно этого опорного момента. Это делается в целях сопоставления показаний, даваемых соисполнителями преступного деяния, либо показаний свидетелей, воспринимающих одни и те же факты, явления, процессы. Соответствие таких

«маяков» ходу проверки показаний на месте следующего участника уголовного судопроизводства позволяет судить об истинности (ложности) полученных результатов. С учетом того факта, что адвентальные преступления зачастую совершаются в различных формах соучастия, использование данного тактического приема представляется достаточно эффективным.

Проверка показаний адвентальных лиц на месте при надлежащем тактико-криминалистическом обеспечении способна стать существенным источником доказательственной и ориентирующей информации и значительно повысить эффективность и результативность процесса расследования адвентальных преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: альбом схем / под ред. И.В. Смольковой. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2004. — 217 с.
2. Луценко О.А. История зарождения и становления проверки показаний на месте / О.А. Луценко // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2014. — № 4. — С. 105–111.
3. Егоров Н.Н. Тактические приемы проверки показаний на месте / Н.Н. Егоров // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2009. — № 1. — С. 73–77.
4. Ахмедшин Р.Л. Проблемы использования тактических приемов в ходе проведения экспериментальных следственных действий / Р.Л. Ахмедшин // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 407. — С. 178–185.
5. Чернецкий О.К. Следственный эксперимент как форма применения экспериментального метода в уголовном процессе / О.К. Чернецкий // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. — 2015. — Т. 1, № 2 (67). — С. 118–122.
6. Фойгель Е.И. Криминалистическая классификация адвенталиев и ее значение в расследовании адвентальных преступлений / Е.И. Фойгель // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 2 (44). — С. 136–144.
7. Фойгель Е.И. Научные основы криминалистической методики расследования адвентальных преступлений / Е.И. Фойгель. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 184 с.
8. Gobineau A. de. Essai sur l'inegalite des Races humaines / A. de Gobineau. — Paris : P. Belfond, 1967. — 878 p.
9. Rustow A. Ortbestimmung der Gegenwart. Eine universalgeschichtliche Kulturistik / A. Rustow. — Zurich : Ehrlenbach, 1952. — 3. Bd. — 278 S.
10. Христюк А.А. Организованная преступность Восточной Сибири: современные тенденции и региональные особенности / А.А. Христюк. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — 149 с.
11. Миграционные процессы и преступность иностранцев в Иркутской области / под ред. А.Л. Репецкой. — Иркутск : Ин-т законодательства и правовой информации, 2006. — 127 с.
12. Христюк А.А. Противодействие организованной преступности на региональном уровне / А.А. Христюк. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 176 с.
13. Репецкая А.Л. О некоторых критериях эффективности противодействия организованной преступности в России / А.Л. Репецкая, Т.М. Судакова // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией : сб. науч. тр. — Иркутск, 2004. — Вып. 2. — С. 48–59.
14. Лавыгина И.В. Общая характеристика организованных форм преступной деятельности в лесопромышленном комплексе Иркутской области и Республики Бурятия / И.В. Лавыгина // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией : сб. науч. тр. — Иркутск, 2004. — Вып. 2. — С. 84–94.
15. Бастрыкин А.И. Противодействие этнической преступности в Российской Федерации / А.И. Бастрыкин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2017. — № 1 (15). — С. 9–12.
16. Ахмедшин Р.Л. Тактика допроса иностранных граждан / Р.Л. Ахмедшин // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 391. — С. 155–159.
17. Чаднова И.В. Тактический план производства проверки показаний на месте / И.В. Чаднова // Уголовная юстиция. — 2013. — № 1 (1). — С. 87–90.
18. Kocsis R.N. Criminal profiling: International Theory, Research and Practice / R.N. Kocsis. — Totowa : Humana Press, 2007. — 418 p.
19. Gordon N.J. Effective interviewing and interrogation techniques / N.J. Gordon, W.L. Fleisher. — San Diego : Academic Press, 2002. — 173 p.
20. Backster C. Primary Perception: Biocommunication with Plants, Living Foods and Human Cells / C. Backster. — Flora Power, 2003. — 160 p.
21. Белицкая А.А. О роли hesitationных пауз в спонтанной речи [Электронный ресурс] / А.А. Белицкая // Филология и литературоведение. — 2014. — № 2. — Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697>.

22. Анисимова Н.Н. Особенности визуальной психодиагностики личности террориста. Обнаружение криминального искажения информации / Н.Н. Анисимова. — Домодедово : Всерос. ин-т повышения квалификации МВД России, 2007. — 78 с.

REFERENCES

1. Smolkova I.V. (ed.). *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: al'bom skhem* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: a set of schemes]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2004. 217 p.
2. Lutsenko O.A. History of Origin and Formation of Verification of Indications on the Place. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, 2014, no. 4, pp. 105–111. (In Russian).
3. Egorov N.N. Tactics of verifying testimonies at the crime scene. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2009, no. 1, pp. 73–77. (In Russian).
4. Akhmedshin R.L. Problems of the Use of Tactics in the Course of Experimental Investigation Actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2016, no. 407, pp. 178–185. (In Russian).
5. Chernetskii O.K. Investigatory Experiment as a Form of Application of the Experimental Method in the Criminal Proceedings. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University*, 2015, vol. 1, no. 2 (67), pp. 118–122. (In Russian).
6. Foygel E.I. Criminalistic Classification of Advenals and its Significance for the Investigation of Advenal Crimes. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 2 (44), pp. 136–144. (In Russian).
7. Foygel E.I. *Nauchnye osnovy kriminalisticheskoi metodiki rassledovaniya advenal'nykh prestuplenii* [Scientific basis of the criminalistic methodology of investigating advenal crimes]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2018. 184 p.
8. Gobineau A. de. *Essai sur l'inegalite des Races humaines*. Paris, P. Belfond, 1967. 878 p.
9. Rustow A. *Ortbestimmung der Gegenwart. Eine universalgeschichtliche Kulturistik*. Zurich, Ehrlenbach, 1952, 3 Bd. 278 S.
10. Khristyuk A.A. *Organizovannaya prestupnost' Vostochnoi Sibiri: sovremennye tendentsii i regional'nye osobennosti* [Organized Crime in Eastern Siberia: Current Trends and Regional Features]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2009. 149 p.
11. Repetskaya A.L. (ed.). *Migratsionnye protsessy i prestupnost' inostrantsev v Irkutskoi oblasti* [Migration processes and crimes of foreigners in Irkutsk Region]. Irkutsk, Institute of Legislation and Legal Information Publ., 2006. 127 p.
12. Khristyuk A.A. *Protivodeistvie organizovannoi prestupnosti na regional'nom urovne* [Counteraction to Organized Forms of Crime at Regional Level]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2011. 176 p.
13. Repetskaya A.L., Sudakova T.M. On Some Criteria of Efficiency of Organized Crime Counteraction in Russia. *Problemy bor'by s organizovannoi prestupnost'yu i korruptsiei* [Issues of Fighting Organized Crime and Corruption]. Irkutsk, 2004, iss. 2, pp. 48–59. (In Russian).
14. Lavygina I.V. A General Characteristic of Organized Crime in the Timber Industry of Irkutsk Region and the Buryat Republic. *Problemy bor'by s organizovannoi prestupnost'yu i korruptsiei* [Issues of Fighting Organized Crime and Corruption]. Irkutsk, 2004, iss. 2, pp. 84–94. (In Russian).
15. Bastrikin A.I. Counteraction against Ethnic Crime in the Russian Federation. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya = Crimean Investigation: Problems and Ways of their Solution*, 2017, no. 1 (15), pp. 9–12. (In Russian).
16. Akhmedshin R.L. Tactics of Interrogation of Foreign Citizens. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2015, no. 391, pp. 155–159. (In Russian).
17. Chadnova I.V. Tactical Plan of On-Site Verification of Testimony. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2013, no. 1 (1), pp. 87–90. (In Russian).
18. Kocsis R.N. *Criminal Profiling: International Theory, Research and Practice*. Totowa, Humana Press, 2007. 418 p.
19. Gordon N.J., Fleisher W.L. *Effective Interviewing and Interrogation Techniques*. San Diego, Academic Press, 2002. 173 p.
20. Backster C. *Primary Perception: Biocommunication with Plants, Living Foods and Human Cells*. Flora Power, 2003. 160 p.
21. Belitskaya A.A. On the Role of Hesitation Pauses in Spontaneous Speech. *Filologiya i literaturovedenie = Philology and Literature*, 2014, no. 2. Available at: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697>. (In Russian).
22. Anisimova N.N. *Osobennosti vizual'noi psikhodiagnostiki lichnosti terrorista. Obnaruzhenie kriminal'nogo iskazheniya informatsii* [Specifics of Visual Psycho-diagnostics of a Terrorist's Personality. Detection of Criminal Information Distortion]. Domodedovo, All-Russian Institute of Professional Retraining of Russian Ministry of the Interior Publ., 2007. 78 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фойгель Елена Игоревна — заместитель директора Института государства и права Байкальского государственного университета по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: foiguelena@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Foygel, Elena I. — Deputy Director for Academic Studies, Institute of State and Law, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: foiguelena@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Фойгель Е.И. Тактические особенности производства проверки показаний на месте при расследовании адвентальных преступлений / Е.И. Фойгель // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 1. — С. 132–141. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).132-141.

FOR CITATION

Foygel E.I. Tactical specifics of verifying testimonies at the crime scene in the investigation of advenal crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 132–141. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).132-141. (In Russian).